DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_96

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В РАЗРЕШЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

БОЛДЫРЕВ Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории государства и права
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
E-mail: Bsn510@mail.ru;
МИТРАКОВА Елена Николаевна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
E-mail: Bsn510@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье пишется о том, что до сегодняшнего дня остаются проблемы, требующие специального внимания и проведения дополнительного исследования. В ряду таких проблем особое место, по мнению авторов, занимает проблема оценочных категорий и прочих вариантов использования словесной многозначности в текстах нормативных правовых актов. И хотя право традиционно всегда было и есть лишь относительно определенно и всякие попытки свести его к однозначному пониманию в процессе постоянно изменяющихся жизненных условий, а также личных качеств конкретных лиц, применяющих право на практике, вряд ли приведут к какому-либо успеху, не уделять этой проблеме внимания вовсе попросту нельзя.*

Abstract: *The article says that there are still problems that require special attention and additional research. According to the authors, a special place among such problems is occupied by the problem of evaluation categories and other variants of the use of verbal ambiguity in the texts of normative legal acts. Although the law has traditionally been and is only relatively definite and any attempt to reduce it to an unambiguous understanding in the process of constantly changing living conditions, as well as the personal qualities of specific individuals who apply the law in practice, is unlikely to lead to any success, it is simply impossible not to pay attention to this problem at all.*

Ключевые слова: *юридическая техника, терминология, понятийный аппарат, правовые категории, законодательное регулирование, юридические средства, закон, право.*

Keywords: *legal technique, terminology, conceptual apparatus, legal categories, legislative regulation, legal means, law, law.*

Идеальных законов нет и не может быть. Любой закон – это, прежде всего, творение человеческого разума, продукт более или менее полного познания законодателем достаточно сложных явлений действительности. Эти знания постоянно уточняются, углубляются, иногда изменяются, и в этом смысле всегда являются не абсолютными, а относительными, поскольку не дают полного, неопровержимого, безупречного и исчерпывающего представления о тех или иных используемых законодателем формулировках. И именно из этих философских предпосылок и возникает вечная проблема совершенствования законодательства, перманентного приближения его к идеалу, хотя достичь последнего, видимо, невозможно.

Провозглашение России правовым государством предъявляет повышенные требования к качеству ее нормативных актов, их форме и, главное, – к их содержанию, которое должно точно, ясно и лаконично отражать общественные потребности и аналогичным образом формулировать правовые предписания. И несмотря на обилие работ, в которых так или иначе затрагиваются разнообразные вопросы формально-логического анализа текстов нормативных правовых актов, до сегодняшнего дня остаются проблемы, требующие на этот счет специального внимания и проведения дополнительного исследования. В ряду таких проблем особое место, по нашему мнению, занимает проблема оценочных категорий и прочих вариантов использования словесной многозначности в текстах нормативных правовых актов. И хотя право традиционно всегда было и есть лишь относительно определенно и всякие попытки свести его к однозначному пониманию в процессе постоянно изменяющихся жизненных условий, а также личных качеств конкретных лиц, применяющих право на практике, вряд ли приведут к какому-либо успеху, не уделять этой проблеме внимания вовсе попросту нельзя.

Эффективность закона зависит от четкости, логичности и грамотности его языка. Этот вывод, сделанный Н.Ф. Кузнецовой [4], не потерял своей актуальности и в наши дни. Прежде всего, это касается публично-правовой сферы, властеотношений, особое место в регулировании которых занимают нормы охранительного и юрисдикционного характера, к каковым, в частности, относятся и нормы законодательства об административной ответственности. Необходимость же проведения формально-логического анализа текстов нормативных правовых актов вытекает не только из требований законодательной техники, но и из более глубокого, базисного принципа, определяющего необходимость рационального отношения к действительности, в том числе и в целях достижения реального господства права (а не правоприменителя) как одного из определяющих условий жизнедеятельности общества в правовом государстве. Ведь именно посредством текстов нормативных правовых актов воля законодателя обретает целостность, законченность формы, что способствует ее общедоступности, а также эффективности восприятия, применения на практике, изучения и анализа. И «вряд ли можно назвать какую-либо иную область общественной практики, где ошибочно построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением, неверно или неуместно использованное слово способны повлечь за собой такие тяжелые, иногда даже трагические последствия, как в области законодательства» [3,89]. Нарушение логики закона, неточность его формулировок, неопределенность использованных терминов порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают непроизволь-

ную трату времени, сил и энергии и вместе с тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять. Написать двусмысленное предложение и ввести его в законодательный текст довольно просто, а вот устранить эту двусмысленность – сложная задача.

Высокий технико-юридический уровень правовых документов – это один из важнейших показателей общей и правовой культуры общества. «От того, в какой степени в стране развита юридическая техника, – справедливо утверждается в предисловии к книге Э. Аннерса «История европейского права», – во многом зависит уровень ее цивилизованности» [1]. А недооценка структурно-композиционного построения, внешнего оформления, требований логики, стиля изложения ведет к декларативности, противоречивости, неясности правовых актов, что неизбежно создает благоприятные возможности для различного рода манипуляций с ними и, в конечном счете, для снижения уровня законности и правопорядка в стране. В этой связи эффективность борьбы с правонарушениями и соблюдение законности в юрисдикционном производстве во многом зависят от степени научной проработанности понятийного аппарата федерального законодательства, содержание которого охватывает собой весь комплекс основополагающих правовых норм. Ведь юридический аспект исследования проблем противодействия административной деликтности, наряду с его политическим и социальным аспектами, предполагает дальнейшее развитие не только теории административно-деликтного права, но и совершенствование законодательства об административной ответственности [6,17].

Многозначные словесные конструкции представляют собой достаточно сложную и практически не исследованную проблему современной теории государства и права. И хотя право традиционно всегда было и есть лишь относительно определенно и всякие попытки свести его к однозначному пониманию в процессе постоянно изменяющихся жизненных условий, а также личных качеств конкретных лиц, применяющих право на практике, вряд ли приведут к какому-либо успеху, не уделять этой проблеме внимания вовсе попросту нельзя. Ведь, как удачно отметил в одной из своих работ М.Я. Масленников, «уровень нормативно-правовой определенности зависит от правовой обеспеченности, которая напрямую зависит от философской, лингвистической и терминологической точности, используемой правоведами в научных исследованиях» [5,54].

В российском законодательстве существуют две негативные тенденции: называть одно и то же правовое явление различными терминами и обозначать разные понятия одним и тем же словом. И то, и другое в равной степени снижает уровень формальной определенности нормативных правовых актов и противоречит требованиям законодательной техники. Правило об однозначности терминологии («одно понятие – один термин») по-прежнему считается одним из основных в законодательной технике. Характерной же чертой современных законодательных актов является использование в их нормах одних и тех же слов в различных смыслах. В русском языке это явление достаточно распространенное и носит название «полисемия», т. е. потенциальная многопредметность, многозначность слов, их способность к переносу своего значения.

Логико-правовой и лингвистический анализ текста законодательного акта, а также анализ правоприменительной практики позволяет нам сделать вывод о том, что полисемия в некоторых случаях является причиной некорректного (неправильного, неточного, неуместного) применения отдельных его норм и предложить варианты устранения (там, где это, конечно, возможно) этого проявления словесной многозначности.

На наш взгляд, все используемые в современном российском законодательстве правовые категории по точности их смыслового значения можно поделить на абсолютно определенные, относительно определенные и неопределенные (оценочные).

Наличие в законодательстве оценочных понятий попросту неизбежно и объективно обусловлено динамизмом общественных отношений, изменчивостью экономической и социальной обстановки в стране, многообразием форм человеческого поведения и его результатов. Оценочные категории представляют собой специфическую форму отражения правовых явлений, посредством которых в ряде случаев создаются оптимальные условия для реализации воли законодателя; в них закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов. При этом, однако, в ситуации законодательной неопределенности решение вопроса о наказуемости или ненаказуемости того или иного деяния, его преступности или непреступности (для смежных составов преступлений и административных правонарушений) и степени его общественной опасности нередко находится в полной зависимости от воззрений и субъективной оценки правоприменителя. Последняя же во многом зависит как от уровня профессиональной подготовки этого правоприменителя, его правового и нравственного сознания, жизненного опыта, знания правоприменительной практики и правовой теории, так и от целого ряда иных субъективных факторов (чувства, привычки и т. п.). Поэтому, понимая важность и в целом необходимость наличия в законе оценочных понятий, приходится все же признать, что их количество в современном российском законодательстве слишком велико. Наличие некоторых из них, по нашему мнению, вовсе ничем не оправдано и лишь затрудняет правильное и единообразное применение его норм на практике.

Анализ оценочных категорий предполагает, прежде

всего, выяснение вопроса о том, что же следует понимать под таковыми категориями, поскольку само понятие «оценочная категория» («оценочное понятие»), впервые введенное в юридический научный оборот в 1956 г. С.И. Вильнянским и получившее свое прочное «право гражданства» в 1963 г. после выхода в свет монографии В.Н. Кудрявцева «Теоретические основы квалификации преступлений», однозначного подхода к своему определению так и не имеет. Это подтверждается как авторским анализом на этот счет юридической литературы советского периода (в частности, работ таких ученых, как Е.И. Астрахан, М.И. Бару, Т.В. Кашанина, М.И. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, Е.А. Фролов и др.), так и опубликованными в журнале «Уголовное право» (2002. № 2) результатами специально проведенного по этому поводу в 2001 г. опроса ученых всей страны специалистами Саратовской государственной академии и Саратовского филиала ИГП РАН.

Анализируя различные подходы, вплоть до самого широкого толкования понятия «оценочные категории» – отнесения к таковым практически всех терминов, которые не раскрываются в законе [2,16-17], мы приходим к выводу о том, что слишком уж расширительное понимание оценочных категорий может в принципе довести до абсурда, т.е. до признания необходимости давать толкование всем понятиям, имеющимся в законе, поскольку любой законодательный термин может быть разъяснен в различных своих вариациях. Но в этом нет никакой ни практической, ни теоретической необходимости. Речь должна идти о конкретизации только тех категорий, которые вообще не имеют никакого нормативного толкования, а также не имеют и единообразного толкования, как в юридической литературе, так и в правоприменительной практике. Поэтому, по нашему мнению, под оценочными категориями (точнее их было бы даже назвать предельно широкими нормативными обобщениями оценочного характера) следует понимать такие употребленные законодателем отдельные термины или совокупности терминов, содержание которых не определено в законодательстве, в силу чего они могут и должны трактоваться правоприменителями по-разному, исходя из их субъективного восприятия и сообразуясь с так называемым «духом» закона и обстоятельствами каждого конкретного дела.

Процесс научного исследования есть процесс перманентного выбора и эмпирическая деятельность ученого – это целенаправленный отбор фактов, умение выделять существенное и отбрасывать случайное. Он извлекает тот или иной фактический аспект из общего контекста как фактор, призванный подтвердить или опровергнуть свою теоретическую идею. Но именно теория руководит этим процессом, определяя, что считать существенным, а что случайным. Поэтому эмпирический материал упорядочивается благодаря теоретическим посылкам (гипотезам), и полученный таким образом эмпирический конструкт служит либо для подтверждения, либо для опровержения теоретического предположения. И, как нам представляется, нет большой беды в том, что абсолютно все или только определенную часть употребленных законодателем формулировок можно признать оценочными. Важно другое: так или иначе, все они должны быть подвергнуты научному анализу, однозначно истолкованы, уяснены теми, кто работает с нормативными актами, по возможности, минимизированы законодателем.

Таким образом, качество нормативного правового акта зависит не только от его содержания, но и от формы изложения в нем нормативного правового материала. А одним из формально-логических требований, предъявляемых к тексту нормативного правового акта, является его логическая завершенность, т.е. наличие в нем такого объема информации, который необходим для того, чтобы его процедурная составляющая была результативной. При этом под объемом подразумевается не только количество, но и качество содержащейся в нормативном правовом акте или его части информации, которая должна быть однозначной и точной, т.е. исключающей различного рода двусмысленности и неточности.

В этой связи, одной из терминологических проблем законодательства, проводя формально-логический анализ нормативных правовых актов в контексте практики применения их норм, мы видим и проблему логической незавершенности (неполноты либо противоречивости) отдельных их нормативных положений, следствием которой является неоднозначность и зачастую «ситуационность» (т. е. привязка к той или иной реальной жизненной ситуации) их толкования в процессе правоприменительной деятельности.

Библиография:

1. Аннерс, Эрик. История европейского права / Э. Аннерс; [Пер. со швед.: Р. Л. Валинский и др.]; РАН. Ин-т Европы, Швед. Королев. АН. - М. : Наука, 1999. – 394.
2. Джинджолия Р.С. Оценочные признаки составов преступлений против личности // Уголовное право. 2005. № 1. С. 16-17.
3. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 89.
4. Кузнецова Н.Ф., Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании : учебник для вузов / Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М. Тяжковой. - М.: Зерцало-М, 2002. - 464 с.
5. Масленников М.Я. Российский административный процесс. Тверь, 2001. С.54.
6. Шергин А.П. Административная деликтность: проблемы науки // Актуальные вопросы административно-деликтного права: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2005. С.17.